

Пётр Николаевич Краснов

Ротный командир Кольдевин

Барабанщик на площадке лестницы у строевой роты пробил "дробь", и шум, крики, возня и говор в большой и сумрачной "сборной" зале стали стихать. Седьмой класс надел черные ремни с желтыми патронташами и медными бляхами, разобрал ружья и строился на маршировку. Там басил Александр Петрович Михневич, рослый "капитуша", поправляя стойку. В шестом скоро затихло - уроки тригонометрии. Захар Борисович Вулин - шутки плохи. Там уже хрупко стучал по черному аспиду ломкий мел, выкручивая синусы и косинусы, и кто-то неровным и неуверенным голосом, звонко и громко, так, что было слышно через стеклянную дверь, объяснял задачу.

Наше параллельное отделение разошлось, было по желтым полированного дерева партам, притихло, подоставало книги и в ожидании преподавателя подтверждало урок. Кто, не мудрствуя лукаво, углубился в Иловайского, кто, стремясь блеснуть своими знаниями, разложил "Родную Старину" Сиповского и подчитывал по ней, добывая "подробности". Зудили зубрилы, заткнув пальцами уши.

Класс -- в три больших широких окна на Итальянскую, - залит ярким радостным светом. Весеннее солнце везде: на низких комодах, где хранятся "гимнастерки" и патронташи, на черных досках с нестертыми алгебраическими уравнениями, на большой карте Европы, на картинках каких-то птиц и более всего на партах с мальчиками в темно-зеленых мундирах с белыми погонами с желтым вензелем А-11. Оно блестит на примасленных вихрах шаловливого пучеглазого Баума, бросило бронзу на смуглое лицо Термена и окружило серебристым сиянием белую голову Трендаля.

Преподавателя нет. Дежурный в белом кушаке третий раз откашливается, собираясь рапортовать. Он выглядывает в сумрачный, в тени, зал и смотрит через него на парадную лестницу. На лестнице солнце прочертило косые золотые дороги, и все кажется, там непостижимо прекрасным. В открытое окно вливается сладкий весенний воздух и слышится медленный барабанный бой со двора и бас Михневича: "Левой... левой... покойней руку..."

На задней скамейке бледный и длинный Романченко достал из черного плоского футляра флейту и под сурдинку протверживает свою партию: следующий час ему играть в оркестре. За ним Гладков с Леном дуются в "крестики и нолики", а рядом рыжеватый Лорберг углубился в чтение французского романа "Запретный плод".

Звуки флейты становятся громче. Голоса нарастают. Баум пустил бумажную стрелу и она, плавно пролетев по воздуху, ударила в висок Никифорова. Ссора готова. Два раза в класс заглядывал дежурный воспитатель Сергей Васильевич Коноплев.

- Господа. Потихе. Мешаете заниматься.

Прошло пять... потом десять минут...

У тех, кто стоял на очереди вызова, светлели лица. Книги закрывались. Усталые глаза отрывались от слишком знакомых страниц. Таблица хронологии свертывалась. Еще Михачев последний раз напомнил мне:

- Если что... По ручному телеграфу... Тысячи не надо. Первые пальцы столетие, второй раз десятки и третьи единицы. Только быстро... Я разберу... Меня сегодня... наверно.

И тяжело вздохнул.

По залу легкий звон прибитых к каблукам маленьких сапог шпор... Ротный командир... Кольдевин...

Он вошел спокойно и уверенно в затихший и вытянувшийся у своих мест класс. Он выслушал внимательно рапорт и подошел к полированному столу.

- Садитесь, господа.

С легким шорохом двадцать три мальчика уселись за парты. В полную тишину доносится в открытую дверь барабанный беглый бой и шарканье носков по асфальту. Из соседнего класса слышно, как, совсем запутавшись, тот же звонкий голос что-то отрывочно выкрикивает... Верная единица...

У Николая Федоровича Кольдевина седеющая черная борода небольшой лопатой, реденеющие волосы с небольшим "коком" над виском "на пробор", нос картошкой и загорелое лицо. Голос с приятной хрипотцой. Он в длиннополом сюртуке и, как всегда, при шашке. На груди, в петлице Владимир с мечами.

Этот Владимир с мечами -- его обаяние над нами. Его слава. Он лейб-егерь, участник русско-турецкой войны. Сражался под Горным Дубняком...

- Михаила Александровича Андриянова не будет. Он нездоров, - говорит Кольдевин. - Сидите смирно. Занимайтесь своими делами.

Все так просто, верно и естественно, но у него, в его мягкой хрипотце, с его Владимиром это